

Моему деду Эмилу Србу

Дом обветшалый. На стенах дырявых
Разросся жадный мох.
Лишайники в прожорливых оравах.
Забытый двор давно заглох.
Жабреем каждый стебель здесь задавлен,
Одни крапивы лесом разрослись.
Заплесневел колодец и отравлен,
В нем водопой для крыс.
А яблонь хвора вся — хилость и утрата,
Не знаешь, что она цвела ли хоть когда-то.
В веселый, ясный день, когда лучи блестят,
В обломах посвисты щеглят.
От солнечных лучей меняется картина,
Минут летящих мнится шум,
Как будто тень часов, танцует в них былина,
Вздых: *Sine sole nihil sum*¹.
Ведь в мире все личина.

*Карел Томан,
«Солнечные часы»²*

¹ Без солнца я ничто (*лат.*).

² Перевод К. Бальмонта.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВЗЛЕТ

Проигравшая сторона

Меня зовут Якуб Прохазка. Очень распространенное имя. Родители хотели, чтобы я жил просто, в согласии со страной и соседями, жил в служении миру социализма. А потом железный занавес с грохотом рухнул, и в страну вторглось чудовище из страшных сказок, с его «клиент всегда прав» и рыночной экономикой.

Прежде чем я стал космонавтом, чудовище и его новые апостолы спросили, не хочу ли я сменить имя на что-то более экзотическое. Более западное. Более подходящее герою.

Я отказался и сохранил его таким как есть — обычным и безыскусным.

Весна 2018 года. Теплым апрельским вечером все чехи собрались на вершине Петршинского холма, чтобы поглазеть на запуск шаттла «Ян Гус 1» с государственного картофельного поля. Между двумя пражскими готическими башнями Чешский филармонический оркестр заиграл государственный гимн, и начался обратный отсчет. Наконец толпа охнула — криогенное топливо вспыхнуло, и шаттла взметнулся

ввысь. Все его девять миллионов килограммов, не считая восьмидесяти килограммов единственного пассажира.

Работающий двигатель «Яна Гуса 1» осветил всю сотню городских шпилей и оставил в небе свою печать в виде птицы. Горожане и туристы следили, как шаттл выходит на орбиту, пока он не скрылся в солнечных лучах, оставшись лишь тенью, видимой только самым мощным телескопам. Предоставив космический корабль своей новой судьбе в небесах, болтающие горожане спустились с Петршинского холма, чтобы утолить жажду пивом.

Я наблюдал за триумфом своей страны по беззвучно мигающему монитору. Только через час я привык к вибрации сиденья, от которой на заднице наверняка останутся синяки. Ремень безопасности врезался сквозь костюм в сосок, а я не мог его ослабить. Взлетный модуль, в котором я сидел, был размером с кладовку для швабры и представлял собой скопление светящихся экранов, хлипких панелей и трона для космонавта. Механизмы вокруг, не осознавая собственного существования, тихо несли меня все дальше от дома, безразличные к тому, какие неудобства я испытываю. У меня задрожали руки.

Я отказался пить воду до взлета, как бы настойчиво ее ни предлагали. Мой взлет — это сбывшаяся невероятная мечта, беспрецедентный духовный опыт. Мою чистую миссию не изгадить какими-то недостойными проявлениями человеческой при-

роды, когда моча просочится в специальный отсек костюма с максимальной впитывающей способностью. На экране передо мной люди махали флагами, сжимая запотевшие бутылки «Старопрамен», и обменивали кроны на пластмассовые шаттлы и фигурки космонавтов. Я поискал лицо своей жены Ленки в надежде в последний раз увидеть ее печаль — уверение в том, что она любит меня и боится потерять, а наш брак выдержит мое восьмимесячное отсутствие и многое другое.

И пусть горло саднило, язык царапал десны, а все мышцы напряглись и сжались, пока километр за километром я лишался самых элементарных удобств, проходя через плотные слои атмосферы. Это был мой триумф, исторический момент. Школьники грядущих столетий будут повторять мое имя, а в пражском музее восковых фигур поставят мою скульптуру. Рекламные щиты с моим лицом, радостно глядящим в небо, уже протянулись в Богемии до самого горизонта. Желтая пресса утверждала, что у меня четыре любовницы и пагубное пристрастие к азартным играм. Или что это фальшивый полет, а я всего лишь компьютерное изображение, озвученное актером.

Доктор Куржак, мой официальный врач, настаивал, что полет будет сущим кошмаром — одиночное путешествие в неизвестность, когда придется рассчитывать только на милость немых и равнодушных технологий. Мне доктор Куржак не нравился. От него несло

солеными огурцами, а свой пессимизм он скрывал под маской выдавшего вида человека. Ему поручили подготовить к полету мою хрупкую психику, но он главным образом отмечал мои страхи (я боюсь пищевых отравлений, гусениц и жизни после смерти — ну вдруг от жизни невозможно сбежать), причем с таким пылом, будто надеялся написать мою биографию.

Во время взлета он посоветовал есть любимые с детства сласти (вафли в шоколаде «Татранки», которые я сложил в ящик слева) и размышлять над моими обязательствами перед мировым научным сообществом, а также об оказанной мне огромной чести — впервые после того, как Ян Эвангелиста Пуркине выяснил, что все отпечатки пальцев индивидуальны (или после того, как Отто Вихтерле изобрел мягкие контактные линзы), чех совершит великое открытие. Воображение раздувало мое эго, и в тишине отсека я начал шептать свою нобелевскую речь, пока жажда не стала невыносимой.

Я нарушил данное себе обещание и нажал на кнопку H_2O , из контейнера под сиденьем жидкость потекла к соломинке, закрепленной на плече. Я жертва своей физической сущности, карлик, карабкающийся по стебельку, чтобы схватиться с колоссом врукопашную, клеточная структура с примитивной нуждой в кислороде, воде и избавлении от отходов. «Хватит этих мрачных мыслей, пей уже», — прошептал я, и напор адреналина обострил все чувства и притупил боль.

Почти полтора года назад в галактику Млечный Путь из Большого Пса вошла прежде неизвестная комета, устроив в Солнечной системе песчаную бурю из межгалактической космической пыли. Между Венерой и Землей образовалось облако — удивительный феномен, названный Чопра в честь его первооткрывателей из Дели, — окутавшее земные ночи пурпурным зодиакальным сиянием, и небо, которое мы знали с момента появления человечества, изменилось. Ночная Вселенная для наблюдателя с Земли больше не выглядела черной, и облако неподвижно висело на месте. Непосредственной опасности оно не представляло, но его упорство распалало наше воображение, рисуя кошмарные варианты.

Разные государства наперебой предлагали проекты, как захватить частицы загадочной Чопры и изучить эти микроскопические обломки чужих миров на предмет химического состава и присутствия жизни. К Чопре послали четыре автоматических шаттла, чтобы исследовать облако и привезти образцы на Землю, но все вернулись пустыми, словно туманность была миражом, коллективной галлюцинацией миллиардов землян.

Следующий шаг был неизбежен. Эту задачу нельзя доверить машинам. Германия отправила к туманности шаттл с дистанционным управлением и шимпанзе Грегором, дабы убедиться, что человек способен выжить внутри Чопры достаточно долгое время, собрать и проанализировать образцы.